

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 94 (470; 571)

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-1-59-67>

Депортации и компенсаторные миграции в Азово-Черноморском регионе в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополя)

Н.В. Шишова , В.А. Бондарев ✉

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Аннотация

Введение. Освещаются результаты миграционной кампании, инициированной в СССР в 1944 г. с целью преодоления негативных экономико-демографических последствий проведенного в мае того же года выселения из Крыма крымских татар. Актуальность темы обусловлена сохраняющимися в историографии лакунами. В частности, в южно-российской региональной историографии недостаточно проанализированы мероприятия местных партийно-советских властей по реализации правительственных постановлений о переселении в Крым донских, кубанских и ставропольских колхозников и отношение самих колхозников к данной кампании.

Материалы и методы. Настоящая работа базируется на архивных и опубликованных документах и материалах. Ведущими методами исследования выступили хронологический и сравнительно-исторический.

Результаты исследования. Отмечено, что депортация крымских татар повлекла за собой резкое ухудшение экономико-демографической ситуации на полуострове. Стремясь восстановить экономику Крыма, правительство СССР в 1944 г. организовало переселение на полуостров 17 тыс. хозяйств колхозников. Регионами-донорами переселения в Крым выступили Украинская ССР и РСФСР. В частности, такие административно-территориальные образования Российской Федерации, как Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края, должны были выделить для переселения в Крым 7 тыс. хозяйств. Многие колхозники активно откликнулись на призыв властей и добровольно переселялись в Крым. Все это позволило выполнить намеченные планы переселения.

Обсуждение и заключение. Доказано, что конечный эффект данной компенсаторной миграции был минимален. Ведущей причиной срыва замыслов правительства выступило то, что ни переселенческие колхозы, ни рядовые колхозники не смогли в полной мере приспособиться к непривычным природно-климатическим и хозяйственным условиям Крыма. Это затрудняло процесс хозяйственного закрепления переселенцев на полуострове и стимулировало массовое возвращение колхозников на родину.

Ключевые слова: Азово-Черноморский регион, Великая Отечественная война, депортация, колхозы, колхозники, компенсаторная миграция, Крым, крымские татары

Для цитирования. Шишова Н.В., Бондарев В.А. Депортации и компенсаторные миграции в Азово-Черноморском регионе в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополя). *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(1):59–67. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-1-59-67>

Original Theoretical Research

Deportations and Compensatory Migrations in the Azov-Black Sea Region during the Great Patriotic War (on the Materials of the Don, Kuban and Stavropol)

Natalya V. Shihova , Vitaly A. Bondarev ✉

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Abstract

Introduction. The study highlights course and results of the migration campaign initiated in the USSR in 1944 to overcome the negative economic and demographic consequences of the eviction of Crimean Tatars from Crimea in May of the same

year. The relevance of the topic is conditioned by the remaining lacunas in the historiography. In particular, the South Russian regional historiography does not sufficiently analyse the activities of the local Party and Soviet authorities in the implementation of government resolutions on the resettlement of Don, Kuban and Stavropol collective farmers in the Crimea and the attitude of collective farmers themselves to this campaign.

Materials and Methods. This paper is based on archival and published documents and materials. The leading research methods were chronological and comparative-historical.

Results. It is noted that the deportation of Crimean Tatars entailed a sharp deterioration of the economic and demographic situation on the peninsula. In an effort to restore the economy of the Crimea, in 1944 the USSR government organised the resettlement of 17 thousand collective farmers' farms to the peninsula. The Ukrainian SSR and the RSFSR acted as donor regions for resettlement to the Crimea. In particular, such administrative-territorial formations of the Russian Federation as Rostov Oblast, Krasnodar and Stavropol Territories were to allocate 7 thousand farms for resettlement to the Crimea. Many collective farmers actively responded to the call of the authorities and voluntarily resettled in the Crimea. All this made it possible to fulfil the planned resettlement plans.

Discussion and Conclusion. It has been proved that the final effect of this compensatory migration was minimal. The main reason for the failure of the government's plans was the fact that neither resettlement collective farms nor ordinary collective farmers could fully adapt to the unfamiliar natural, climatic and economic conditions of the Crimea. This hindered the process of economic consolidation of settlers on the peninsula and stimulated the mass return of collective farmers to their homeland.

Keywords: Azov-Black Sea region, Great Patriotic War, deportation, collective farms, collective farmers, compensatory migration, Crimea, Crimean Tatars

For Citation. Shihova N.V., Bondarev V.A. Deportations and compensatory migrations in the Azov-Black Sea region during the Great Patriotic War (on the materials of the Don, Kuban and Stavropol). *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(1):59–67. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-1-59-67>

Введение. Великая Отечественная война включает в себя множество разноплановых событий, среди которых особое место занимают депортации малых народов СССР, осуществленные советским правительством в целях устранения потенциальной «пятой колонны» и обеспечения безопасности тыла Красной Армии. В разное время были переселены из мест своего прежнего проживания в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию советские немцы, балкарцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары, чеченцы, ингуши и другие народы. В советский период эта болезненная тема являлась строго табуированной и лишь во времена «перестройки» и после крушения СССР исследователи получили возможность беспрепятственно её освещать. К настоящему времени существует значительное количество научных работ, в которых обстоятельно анализируются процессы принудительных переселений тех или иных народов Советского Союза в первой половине 1940-х гг. [1–6] Вместе с тем в рамках отмеченной проблематики сохраняется ряд недостаточно освещенных вопросов. Как правило, ученые концентрируют усилия на выявлении причин, методов, масштабов депортаций, условий транспортировки перемещенных народов, особенностей и сложностей их обустройства и жизнедеятельности на новых территориях, негативных демографических и экономических последствий депортаций – сокращения численности рабочих рук, прекращении функционирования колхозов и совхозов, и т. п. На периферии исследовательского внимания остаются «компенсационные миграции» [5, с. 131], осуществлявшиеся партийно-советским руководством с целью минимизации отмеченных негативных последствий депортаций. Можно указать лишь единичные работы, в которых анализируются отмеченные вопросы [7; 8]. При этом в южно-российской историографии такого рода проблематика практически не затрагивалась.

Учитывая очевидные пробелы в региональной историографии, в настоящей публикации мы предприняли попытку анализа усилий советского правительства по оптимизации социально-экономической ситуации в тех районах Азово-Черноморья, которые подверглись депортации населения в годы Великой Отечественной войны. Будучи ограничены рамками статьи, мы сосредоточили внимание на конкретном наполнении мероприятий, осуществлявшихся руководством Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев в рамках реализации правительственных постановлений, предусматривавших восстановление экономики и восполнение убыли населения в Крыму после депортации с территории полуострова крымских татар в 1944 г. Объектом настоящей работы является инициированный советским правительством процесс насильственных перемещений народов СССР в годы Великой Отечественной войны. Предметом исследования выступают правительственные мероприятия по минимизации нанесенного депортациями демографического и экономического ущерба в Азово-Черноморском регионе, рассматриваемые нами на примере Крыма, Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, поскольку ресурсы отмеченных южно-российских регионов активно использовались партийно-советскими властными структурами в работе по улучшению ситуации на полуострове.

Материалы и методы. Центральными элементами источниковой базы настоящего исследования выступают архивные и опубликованные документы и материалы. В представительных сборниках документов: «Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать»» (Москва, 1992) и «Сталинские депортации. 1928 – 1953» (Москва, 2005), содержится достаточный массив информации о мотивах, времени и обстоятельствах выселения

крымских татар, численности депортированных, местах их вселения. Сведения же о правительственных мероприятиях по организации переселения жителей Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев в опустевшие после депортаций районы Крыма предоставляют архивные фонды. Нами были проанализированы документы Ростовского областного и Краснодарского и Ставропольского краевых комитетов компартии, являвшихся высшими органами власти в границах означенных административно-территориальных образований. Ныне эти документы хранятся в Центрах документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО, ф. 9) и Краснодарского края (ЦДНИКК, ф. 1774а), Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК, ф. 1). Их изучение позволяет установить, какие меры региональные органы власти предпринимали для реализации правительственных решений о переселении в Крым жителей Дона, Кубани и Ставрополья. Весьма информативными являются также документы Ростовского областного исполнительного комитета, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО, ф. р-3737). Здесь содержатся сведения об организации переселенческой кампании на Дону, статистические данные о численности переселенцев, их профессиональном составе, количестве перевозимого с ними домашнего скота, и т. д.

Ведущими методами исследования выступили хронологический и сравнительно-исторический. С опорой на указанные методы удалось выявить общие черты и местные особенности осуществлявшихся в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях кампаний по переселению местных жителей в Крым, эффективность переселения и факторы, оказывавшие воздействие на результаты данных кампаний.

Результаты исследования. После того как в апреле–мае 1944 г. Крым был освобожден от гитлеровской оккупации и оказался в тылу наступающей Красной Армии, советское правительство озаботилось обеспечением порядка и безопасности на полуострове. В рамках этой работы предусматривалось выявление вражеских шпионов и диверсантов, активных коллаборационистов, антисоветских элементов. Контрразведка быстро установила, что хотя «значительная часть татарского населения» во время оккупации полуострова нацистами оставалась лояльной советской власти, все же «многие из крымских татар оказались на службе у врага» [9, с. 11]. Народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия в письме к И.В. Сталину 10 мая 1944 г. утверждал, что свыше 20 тыс. крымских татар (при общей численности татарского населения на полуострове в 140–160 тыс. чел.) дезертировали из РККА, и с оружием в руках воевали на стороне гитлеровцев [10, с. 496]. По данным Берии, сотрудниками народных комиссариатов внутренних дел и госбезопасности к 7 мая 1944 г. в Крыму был арестован 5 381 пособник гитлеровцев [10, с. 496]. Вместе с тем множество коллаборационистов оставались на полуострове, пытаясь раствориться в массе татарского населения и скрыться от правосудия, что угрожало безопасности тыла советских войск. По этой причине 11 мая 1944 г. ГКО принял постановление № 5859сс «О крымских татарах», согласно которому следовало «всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР» [10, с. 497].

Операция по выселению крымских татар, проводившаяся силами НКВД, началась утром 18 мая 1944 г. и завершилась в 16 часов 20 мая. Согласно первоначальным данным, содержащимся в телеграмме на имя наркома внутренних дел Берии, подписанной заместителями наркома И.А. Серовым и Б.З. Кобуловым, было депортировано 180 014 крымских татар [9, с. 138]. По уточненным сведениям, принудительному переселению подверглись 191 014 крымских татар (свыше 47 тыс. семей) [10, с. 492].

По справедливым замечаниям исследователей, после выселения крымских татар на полуострове «создалась катастрофическая обстановка» [3, с. 74] в экономике. Неоднократные депортации (в разное время, выселению подверглись не только крымские татары, но и проживавшие на полуострове немцы, греки, болгары, армяне) предельно ухудшили демографическую ситуацию в Крыму, и без того осложненную боевыми действиями и террором во время немецко-фашистской оккупации. К лету 1945 г. население Крыма сократилось более, чем в два раза – с 875 тыс. чел., проживавших здесь до войны, до 379 тыс. чел. [10, с. 492] На полуострове ощущался острейший дефицит рабочих рук и специалистов, оставались без ухода и выпадали из сельхозоборота обширные полевые массивы, сады и виноградники. Требовались срочные меры для исправления тяжелейшей социально-экономической ситуации.

Органы власти в Крыму максимально полно использовали внутренние ресурсы, чтобы закрыть образовавшиеся в народном хозяйстве полуострова брешы. К обработке опустевших земель выселенных татарских колхозов привлекались коллективные и советские хозяйства соседних районов Крыма, мобилизованные в городах и сельской местности полуострова рабочие и служащие, солдаты и офицеры Красной Армии [3, с. 75]. Однако нанесенный Крыму социально-экономический ущерб был слишком тяжел, чтобы власти полуострова могли преодолеть его собственными силами. Для этого требовалось использование не региональных, а государственных ресурсов. Депортации крымских татар и других народов Крыма обусловили потребность в переселении на полуостров значительных по численности контингентов трудоспособного населения из других областей, краев и республик СССР.

В первую очередь речь шла о трудоспособном сельском населении. Здесь важно подчеркнуть, что практически все депортированные народы в годы Великой Отечественной войны народы являлись «преимущественно сельскими по характеру расселения и аграрными по структуре занятий» [5, с. 131]. Наибольшей численностью городского населения отличались как раз крымские татары: таковое составляло среди них 28 % (на втором месте по степени «урбанизации» шли советские немцы – среди них горожане составляли 20 % [5, с. 131]). Но и в данном случае, как видим, подавляющее большинство трудоспособных татар были заняты в аграрном секторе экономики.

Поэтому первоочередной и неотложной задачей правительства являлась организация перемещения десятков тысяч колхозников из разных регионов СССР в районы Крыма, где до мая 1944 г. проживали крымские татары.

В целях решения указанной народнохозяйственной задачи, ГКО 12 августа 1944 г. принял постановление «О переселении колхозников в районы Крыма», согласно которому на полуостров надлежало переселить 17 тыс. крестьянских хозяйств общей численностью до 65 тыс. человек [11, с. 95]. Донорами миграции в постановление были указаны Украинская ССР и Брянская, Воронежская, Курская, Орловская, Ростовская, Тамбовская области, Краснодарский и Ставропольский края РСФСР. Колхозники из перечисленных регионов должны были быть расселены в Алуштинском, Балаклавском, Бахчисарайском, Карасубазарском, Куйбышевском, Старокрымском, Судакском и Ялтинском районах Крыма [3, с. 81–82].

Краснодарский и Ставропольский края и Ростовская область должны были направить в Крым в общей сложности 7 тыс. хозяйств (более 21 тыс. чел.). Региональные партийные комитеты с должной серьезностью отнеслись к постановлению ГКО и оперативно отреагировали на него.

Краснодарский крайком ВКП(б) 17 августа 1944 г. принял постановление «О переселении колхозников края в районы Крыма», где указывал, что до 1 октября текущего года необходимо отобрать и транспортировать на полуостров 3 тыс. хозяйств «добросовестных и трудолюбивых колхозников», в том числе – 11 председателей колхозов и столько же председателей сельсоветов, 11 учителей, 5 врачей, 15 трактористов, 5 агрономов, 2 механика и 2 зоотехника. 2,5 тыс. хозяйств кубанских колхозников следовало направить в Алуштинский район Крыма и еще 500 хозяйств – в Судакский район [12, л. 31].

В то же время Ставропольский краевой комитет ВКП(б) принял постановление «О переселении колхозников в Судакский район Крыма», согласно которому численность переселенцев составляла 2 тыс. хозяйств (6 тыс. чел.). В их числе значилось 16 председателей колхозов и 13 председателей сельсоветов, 16 учителей, 5 врачей, 10 трактористов, 2 механика, 5 агрономов, 2 зоотехника [13, л. 15].

18 августа 1944 г. состоялось объединенное заседание Ростовского обкома ВКП(б) и областного исполкома, по итогам которого было принято обширное постановление «О переселении колхозников в районы Крыма». Представители партийно-советского руководства Ростовской области постановляли, что для переселения в Крым следует отобрать 2 тыс. хозяйств колхозников (6 тыс. чел.), в том числе 21 председателя колхозов и 12 председателей сельсоветов, 20 учителей, 5 врачей, 10 трактористов, 2 механика, 5 агрономов, 2 зоотехников. Одна тысяча хозяйств донских колхозников направлялась в Старо-Крымский район и столько же – в Ялтинский район. Переселение следовало закончить, как и для Кубани и Ставрополя, до 1 октября 1944 г. [14, л. 23]

Работой по переселению южно-российских колхозников на Дону, Кубани и Ставрополье руководили комиссии, состоявшие из высших представителей местного руководства: так, в Ростовской области во главе такой комиссии находился лично первый секретарь обкома Б.А. Двинский, а ее членами являлись председатель И.П. Кипаренко и начальник областного земельного отдела (облзо) Чумаков. В районах также создавались комиссии в составе первого секретаря райкома, председателя райисполкома и заведующего районным земельным отделом (райзо); эти комиссии действовали совместно с уполномоченным из числа руководящих работников областного уровня, командированным в тот или иной район. На районные комиссии ложилась основная масса задач по доведению до местного населения информации о переселении в Крым, отбору переселенцев, обеспечению их транспортировки и пр. Секретари райкомов и председатель райисполкомов несли персональную ответственность за отбор переселенцев и выполнение работы по переселению строго в установленные сроки [14, л. 23, 23об, 25]. В условиях военного времени, к проверке колхозников, изъявивших желание переселиться в Крым, подключались и региональные отделения Наркоматов внутренних дел и госбезопасности [15, л. 106].

В документах органов власти специально подчеркивалось, что переселение колхозников в Крым организуется в рамках решения важных народнохозяйственных задач, «в целях быстрее освоения плодородных земель, садов и виноградников» полуострова [14, л. 23]. Исходя из этого переселению подлежали только «добросовестные и трудолюбивые колхозники», в первую очередь те, кто был знаком с садоводством, виноградарством и табаководством и мог «в кратчайший срок освоить плодородные земли Крыма» [14, л. 23]. Представителям власти, ответственным за формирование переселенческих контингентов, следовало стремиться к тому, чтобы в каждой семье колхозников-переселенцев насчитывалось не менее 1–2 трудоспособных членов [14, л. 23]. Переселять в Крым семьи без трудоспособных членов запрещалось [14, л. 23об].

Миграции населения, организуемые советским правительством в годы Великой Отечественной войны с целью компенсации нанесенного депортациями экономико-демографических потерь, характеризуются исследователями как «формально добровольные, но, по сути, именно принудительные» [5, с. 131]. Как представляется, данное суждение вряд ли можно признать полностью справедливым. Разумеется, компенсационные миграции носили организованный характер и преследовали выполнение установленных правительством планов по переселению определенного количества лиц. Все это, естественно, противоречило принципу добровольности и обуславливало широкое использование административных рычагов и даже принуждения к переселению. Тем не менее часть переселенцев готова была перебраться на новое место жительства вполне добровольно, поскольку государство в этом случае не скупилось на льготы.

В частности, для колхозников-переселенцев Дона, Кубани и Ставрополя, изъявивших желание ехать в Крым, предусматривался длинный перечень разнообразных льгот. Не позднее, чем за пять дней до выезда в Крым, переселенцы должны были получить полный расчет по трудодням, выработанным ими в колхозах, где они трудились до переезда [14, л. 23об]. Каждой семье переселенцев выдавалось единовременное пособие в размере 2,5 тыс. руб. и гарантировался провоз груза весом до двух тонн [13, л. 17]. Причем, проезд, перевозка домашнего скота и личного имущества переселенцев, равно как их медицинское обслуживание в дороге, осуществлялись за счет государства [14, л. 24].

С переселенцев списывались все недоимки по денежным налогам, страховым платежам и государственным поставкам натуральных продуктов. За ними сохранялся весь урожай с их приусадебных участков на местах прежнего проживания; они имели право сдать этот урожай, а также домашний скот, государственным заготовительным органам и получить равное количество продукции и животных в местах вселения. На новом месте жительства хозяйства переселенцев (а также и коллективные хозяйства, перемещенные в Крым с Дона, Кубани и Ставрополя) освобождались на 1944–1945 гг. от всех платежей, сборов и поставок [14, л. 23об, 24].

Государство обеспечивало сформированные контингенты переселенцев транспортом для проезда и перевозки имущества к железнодорожным станциям. Перед посадкой в эшелоны семьи переселенцев должны были получить сухой паек, – хлеб и другие продукты, – в расчете на пять дней; паек выдавался переселенцам по нормам, установленным для рабочих, то есть наиболее высоким нормам (700–1 000 г в день; для сравнения, нормы для служащих составляли до 500 г). Кроме того, в дороге переселенцам следовало предоставлять горячее питание из двух блюд один раз в сутки. Для каждого эшелона переселенцев выделялся врач и две медсестры «с надлежащим запасом медикаментов». Органы власти Крымской АССР обязаны были организовать встречу и расселение прибывавших на полуостров колхозников, обеспечить их питание во время разгрузки и транспортировки их самих и имущества к местам вселения [14, л. 24об].

В местах вселения колхозники могли купить по государственным ценам продовольственное зерно в размере 2 центнера на семью. Бескорванным семьям переселенцев предоставлялась возможность приобрести в 1944–1945 гг. корову или телку по государственным закупочным ценам (в таких случаях продавцами скота выступали, как правило, колхозы и совхозы). Сельхозбанку было разрешено выдавать нуждающимся переселенцам в местах вселения ссуду на хозяйственное обзаведение и другие нужды в размере 5 тыс. руб. на хозяйство с условием возврата в течение 5 лет [14, л. 24]. Народный комиссариат текстильной промышленности СССР был обязан в срок до 15 сентября 1944 г. отгрузить Крыму определенное количество хлопчатобумажной ткани для продажи нуждающимся переселенцам. Наконец, правительство обязало Наркомат внешней торговли СССР выделить Крыму в августе и сентябре 1944 г. некоторое количество белья, одежды и обуви из числа так называемых «заграничных подарков» (это была гуманитарная помощь в виде бытовых вещей, обычно одежды и обуви, которые граждане США и Канады жертвовали населению СССР). Такие «подарки» следовало предоставлять особо нуждающимся переселенцам и их детям [14, л. 24об].

Прибыв в Крым, переселенцы получали дома, надворные постройки, приусадебные участки, а также сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода, ранее принадлежавшие татарам. Условия приобретения переселенцами владельческих прав на бывшее татарское имущество были различны. Урожай с приусадебных участков, засеянных еще татарами, переходил в распоряжение переселенцев целиком и бесплатно (насколько можно понять из содержания соответствующих документов). Сельхозинвентарь и предметы быта предоставлялись им за плату; оценка стоимости того и другого производилась местными органами Наркомата финансов. Что же касается домов и построек, таковые переходили в личную собственность новых хозяев не ранее, чем по истечении 5 лет «непрерывной работы в колхозе»; до этого момента переселенцы не могли продать недвижимость или сдать ее в аренду [14, л. 24, 24об]. Тем не менее прибывавшим в Крым колхозникам все же не нужно было строить себе жилье: они размещались в уже готовых домах, оставшихся от прежних хозяев.

Обещания крупного безвозвратного пособия, списания всех долгов перед государством, продажи скота бескорванным семьям по государственным ценам, продовольственного обеспечения в пути следования, бесплатного предоставления жилища и земли в местах вселения – все это, безусловно, стимулировало интерес южно-российских колхозников, особенно наименее обеспеченных семей, к переселению в Крым. Одним из наиболее заманчивых посулов, очевидно, являлась возможность приобретения коровы или телки по государственным ценам, которые были ниже рыночных. В экстремальных условиях войны, когда инфляция перманентно обесценивала деньги, корова являлась настоящей кормилицей, от которой напрямую зависело благополучие всей семьи и которой владельцы очень дорожили. Показательно, что во время переселения в Крым в сентябре 1944 г. не единичными были случаи, когда колхозники не желали сдавать домашний скот, в особенности коров, заготовительным органам (чтобы получить новую живность по прибытии), а стремились взять его с собой, несмотря на все трудности и неудобства. Так, переселенцы из Кагальницкого района Ростовской области погрузили в эшелон 20 коров, а заготконторе сдали лишь 2 коровы, 11 овец, 1 теленка; переселенцы из Развиленского района повезли с собой 27 коров, 14 телят, 5 свиней и 5 овец, сдав заготовителям только 5 коров; колхозники из Куйбышевского, Мальчевского, Матвеево-Курганского, Неклиновского районов Ростовской области весь скот повезли с собой, ничего не сдав заготовителям [16, л. 3, 4, 6, 10, 11, 13]. На общем фоне необычной выглядит информация властей Орловского рай-

она Ростовской области, докладывавших областному руководству 29 сентября 1944 г., что все 73 переселяемых хозяйства колхозников полностью сдали свой скот (65 коров, 20 телят, 28 овец, 5 свиней) заготовительным организациям. Дело, однако, объяснялось тем, что «в эшелоны скот не погрузили ввиду неподачи вагонов» [16, л. 20].

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют утверждать, что численность колхозников, добровольно желавших переселиться в Крым, оказалась на Юге России достаточно существенной. В ряде случаев районные комиссии сталкивались с переизбытком добровольцев и отклоняли те или иные кандидатуры. В частности, в Родионово-Несветайском районе Ростовской области было подано 183 заявления о переселении в Крым, а районная переселенческая комиссия одобрила 179 из них; в Сальском районе поступило до 500 заявлений, одобрено 346; в Тарасовском районе из 253 заявлений были утверждены 239; из более чем 600 заявлений, поданных жителями Целинского района, районная комиссия утвердила 239 [15, л. 30,94, 101, 124]. Все это позволило в основном выполнить и даже перевыполнить правительственные планы о переселении в Крым 7 тыс. хозяйств колхозников Дона, Кубани и Ставрополья.

Обсуждение и заключение. В октябре 1944 г. кампания по переселению в Крым колхозников РСФСР и Украины была завершена. Как и предусматривалось в планах, на полуостров прибыли свыше 17 тыс. хозяйств переселенцев, в том числе из Ростовской области – 2 400 семей, Краснодарского края – 2 980 семей, Ставропольского края – 1 973 семьи [3, с. 84]. Донские, кубанские и ставропольские колхозники заселили Алуштинский, Старокрымский, Судакский, Ялтинский районы Крыма. Во второй половине 1940-х гг. в Крыму действовали 198 переселенческих колхозов [17, с. 60]. Тем самым, организованное советским правительством в 1944 г. переселение в Крым колхозников из РСФСР и Украины позволило на первых порах компенсировать демографический ущерб, нанесенный полуострову войной и депортациями. В то же время с реализацией важнейшей задачи, каковой являлось восстановление функционирования аграрного сектора Крыма, дела обстояли далеко не столь блестяще.

Казалось, у сформированных из переселенцев коллективных хозяйств имелись возможности для эффективного функционирования. Ведь правительство наделило льготами не только переселенных в Крым колхозников, но и заново сформированные на полуострове колхозы. В правительственных постановлениях указывалось, что вновь организуемые в Крыму колхозы, состоявшие из переселенцев, получали в свое распоряжение не только земельные площади и угодья выселенных татарских коллективных хозяйств, но и урожай с этих полей и насаждений [14, л. 24]. Определенную часть этого урожая новые колхозы передавали государству в счет обязательных поставок сельхозпродукции, но остальное они могли использовать для пополнения семенных фондов и оплаты выработанных колхозниками трудодней [14, л. 24об]. Органам власти Крыма вменялось в обязанность оказывать новым колхозам всяческую помощь и содействие. Тот факт, что при отборе переселенцев представители власти обращали особое внимание на колхозников, знакомых с садоводством, виноградарством и табаководством (отраслями, игравшими важную роль в аграрном производстве Крыма), позволял надеяться, что новые колхозы будут обеспечены достаточным количеством специалистов, способных быстро адаптироваться к особенностям хозяйственной деятельности на полуострове.

В действительности, однако, организационно-хозяйственное состояние большинства переселенческих колхозов было весьма далеким от приемлемого уровня. В условиях продолжавшейся войны, вновь сформированные в Крыму коллективные хозяйства сталкивались с теми же проблемами, что и колхозы всего СССР – дефицитом техники, тяглового скота, посевного материала и пр. Острой проблемой являлось незнание подавляющим большинством переселенцев природно-климатических и, соответственно, хозяйственных условий Крыма. Попытки представителей власти нанять при переселении как можно больше колхозников, знающих тонкости садоводства и виноградарства либо имеющих навыки выращивания технических культур (таких, как табак), не дали заметных результатов. В итоге хотя новые коллективные хозяйства Крыма стремились расширить посевы зерновых культур, они не смогли преодолеть кризисные явления в табаководстве, виноградарстве и садоводстве, порожденные депортацией крымских татар [17, с. 60]. Организация производственного процесса в перечисленных отраслях требовала навыков, которыми большинство переселенцев не обладали [5, с. 135].

Немаловажным фактором, предельно затруднявшим эффективное функционирование организованных в 1944 г. коллективных хозяйств Крыма, являлось тяжелое материально-бытовое положение множества колхозников-переселенцев. Среди множества бытовых проблем, с которыми им довелось столкнуться на полуострове, на первый план выходили непривычные для них природно-климатические условия Крыма: дефицит питьевой воды и в особенности плохое состояние оставшегося от выселенных татар жилищного фонда [17, с. 60, 61]. Переселенцы указывали, что на переданных им подворьях нередко отсутствовали хозяйственные постройки, из-за чего негде было держать домашний скот, а жилища либо не отвечали требованиям санитарии и гигиены (имели земляные крыши или, вообще, представляли собой землянки и полуземлянки), либо нуждались в ремонте. Обещанный же переселенцам кредит на хозяйственное обустройство и другие нужды в размере 5 тыс. руб. на хозяйство (с возвратом в течение 5 лет) был, зачастую слишком мал: ведь, по имеющимся данным, на постройку нового дома требовалось 16 и более тысяч рублей [17, с. 60]. При этом переселенцы регулярно жаловались на бюрократическую волокиту при решении жизненно важных вопросов и безразличное, бездушное отношение местных чиновников к их нуждам [17, с. 60].

Тяжелые жилищно-бытовые и материальные условия закономерно подрывали трудовую дисциплину в новых колхозах Крыма, снижали производственную мотивацию рядовых аграриев и провоцировали их возвраще-

ние с полуострова в родные края. Уже к апрелю 1945 г. из Крыма выехали около 11,4 тыс. семей, тогда как въехала всего 1 тыс. К июлю 1948 г. Крым покинули 52,5 % семей, прибывших на полуостров, начиная с 1944 г. [5, с. 135].

Следует добавить, что оказавшись не способным оптимизировать хозяйственно-демографическую ситуацию в Крыму, организованное в 1944 г. переселение на полуостров колхозников из других регионов СССР негативно повлияло и на экономику этих регионов. Данная проблематика практически не затрагивается в научной литературе; между тем, в данном случае взаимосвязь демографического и экономического положения в Крыму и регионах-донорах переселения очевидна. В годы Великой Отечественной войны аграрное производство в тех или иных регионах Советского Союза испытывало острейший дефицит рабочих рук вследствие непрерывных мобилизаций в действующую армию, а компенсационные переселения лишь усиливали остроту это проблемы.

В частности, в колхозах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев численность трудоспособных обоего пола составляла в 1943 г. только 61 % к уровню 1940 г., в 1944 г. – 55,6 %, в 1945 – 61,4 % [18, л. 4; 19, с. 395–396, 397–398]. В том числе, уже к концу 1941 г. в перечисленных регионах работоспособных колхозников-мужчин осталось всего 60 % к довоенному уровню, в 1943 г. – 24,8 %, в 1944 г. – 19,4 %, в 1945 г. – 27,4 % [18, л. 28; 20, л. 1; 21, л. 2; 22, л. 1; 23, л. 333, 326, 319; 24, л. 90; 25, л. 82]. Конечно, количество переселенцев, направленных с Дона, Кубани и Ставрополя в Крым в 1944 г., было невелико в сравнении с мобилизованными в действующую армию и равнялось менее, чем 1 % от общего количества имевшегося здесь в наличии сельского населения. Но, в условиях огромного сокращения рабочих рук и эти небольшие потери становились весьма ощутимы и превращались в один из факторов падения сельскохозяйственного производства в южно-российских регионах. Показательно, что даже в 1945 г. посевная площадь в колхозах Дона составляла не более 56,2 % к уровню 1941 г. [24, л. 37]

Констатируем, что в годы Великой Отечественной войны советское правительство использовало переселения как средство компенсации демографических потерь и восстановления народного хозяйства в тех регионах, которые пострадали от военных действий и немецко-фашистской оккупации и подверглись политически мотивированным депортациям местного населения. В том числе донорами таких компенсаторных миграций стали в 1944 г. Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края, которые по решению правительства должны были направить тысячи местных колхозников для восполнения экономико-демографических потерь, понесенных Крымской АССР вследствие массовой депортации проживавших на полуострове татар. Южно-российские регионы выполнили задачи по переселению, поставленные перед ними правительством, внося тем самым свой вклад в оптимизацию социально-экономической ситуации в Крыму. Однако вновь сформированные в Крыму переселенческие колхозы оказались слишком слабыми в организационно-хозяйственном отношении и не смогли адаптироваться к местным природно-климатическим и хозяйственным условиям. Множество колхозников-переселенцев, столкнувшись с непривычными природными условиями и материально-бытовыми затруднениями на новом месте жительства, предпочли вернуться на родину. Тем самым миграционная кампания 1944 г. имела весьма ограниченный эффект и не только не привела к кардинальному улучшению тяжелого положения, сложившегося в Крыму, но и, в некоторой степени, усугубила непростую ситуацию в аграрном секторе Дона, Кубани и Ставрополя.

Список литературы / References

1. Бугай Н.Ф. *Операция «Улусы»*. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во; 1991. 88 с.
Bugai N.F. *Operatsiya "Ulushi" = Operation "Ulus"*. Elista: Kalmyk book publishing house; 1991. 88 p. (In Russ.)
2. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. *Кавказ: Народы в эшелонах: 20–60-е годы*. Москва: ИНСАН; 1998. 365 с.
Bugai N.F., Gonov A.M. *Kavkaz: Narodi v eshlonah: 20–60ie = Caucasus: Peoples in echelons: 20–60s*. Moscow: INSAN; 1998. 365 p. (In Russ.)
3. Брошеван В.М., Тыглиц П.К. *Изгнание и возвращение*. Симферополь: Таврида; 1994. 176 с.
Broshevan V.M., Tyglyants P.K. *Izgnaniye i vozvrashcheniye = Exile and Return*. Simferopol: Tavrida; 1994. 176 p. (In Russ.)
4. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны. *Этнографическое обозрение*. 1995;3:26–44.
Vyltsan M.A. *Deportatsiya narodov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny = Deportation of peoples during the Great Patriotic War. Etnograficheskoye obozreniye*. 1995;3:26–44 (In Russ.)
5. Полян П.М. *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. Москва: ОГИ; 2001. 326 с.
Polyan P.M. *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditelnykh mi-gratsiy v SSSR = Not of their own free will... History and geography of forced migrations in the USSR*. Moskva: OGI; 2001. 326 p. (In Russ.)
6. Чомаев К. *Наказанный народ*. Черкесск: ПУЛ; 1993. 228 с.
Chomaev K. *Nakazannyu narod = Punished people*. Cherkessk: PUL; 1993. 228 p. (In Russ.)
7. Конониренко В.А. *Демографическое и хозяйственное освоение территорий депортации Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1941–1953 гг.* Дис. ... канд. ист. наук. Саратов; 2017. 237 с.

Kononirenko V.A. *Demograficheskoye i khozyaystvennoye osvoyeniye territoriy deportatsii Povolzhya, Severnogo Kavkaza i Kryma v 1941–1953 gg = Demographic and economic development of the territories of deportation of the Volga region, North Caucasus and Crimea in 1941–1953*. Dissertation of the candidate of historical sciences. Saratov; 2017. 237 p. (In Russ.)

8. Сеитова Э.И. *Переселенческий билет: трудовая миграция в Крым, 1944–1976*. Симферополь: Антиква; 2013. 236 с.

Seitova E.I. *Pereselencheskiy bilet: trudovaya migratsiya v Krym, 1944–1976 = Resettlement ticket: labor migration to Crimea, 1944–1976*. Simferopol: Antikva; 2013. 236 p. (In Russ.)

9. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». *Документы, факты, комментарии*. Вступит. статья, сост., послесл. Н.Ф. Бугай. Москва: Дружба народов; 1992. 288 с.

Iosif Stalin – Lavrentiyu Berii: «Ikh nado deportirovat». *Dokumenty, fakty, komentarii = Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: “They must be deported.” Documents, facts, comments*. Introductory article N.F. Bugai. Moscow: Druzhba Narodov; 1992. 288 p. (In Russ.)

10. *Сталинские депортации. 1928–1953*. Под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. Москва: МФД; Материк; 2005. 904 с.

Stalinskiye deportatsii. 1928–1953 = Stalin’s deportations. 1928–1953. Moscow: MFD: Materik; 2005. 904 p. (In Russ.)

11. Волобуев О.В. Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX века. *Отечественная история*. 1999;2:89–99.

Volobuyev O.V. *Rozhdeniye i sud’by novoy krymskoy gosudarstvennosti v pervoy polovine XX veka = The Birth and Fate of the New Crimean Statehood in the First Half of the 20th Century. Otechestvennaya istoriya*. 1999;2:89–99 (In Russ.)

12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 1008.

Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya = Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Region. F. 1774a. Op. 2. D. 1008 (In Russ.)

13. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 756.

Gosudarstvennyu arkhib noveyshey istorii Stavropolskogo kraya = State Archive of Contemporary History of Stavropol Krai. F. 1. Op. 2. D. 756 (In Russ.)

14. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 503.

Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti = Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Region. F. 9. Op. 1. D. 503 (In Russ.)

15. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р-3737. Оп. 8. Д. 17.

Gosudarstvennyu arkhib Rostovskoy oblasti = State Archives of the Rostov Region. F. r-3737. Op. 8. D. 17 (In Russ.)

16. ГАРО. Ф. р-3737. Оп. 8. Д. 18.

Gosudarstvennyu arkhib Rostovskoy oblasti = State Archives of the Rostov Region. F. r-3737. Op. 8. D. 18.

17. Конониренко В.А. Переселение колхозников из России и Украины на постдепортационные территории Крыма в 1944–1953 годы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2017;17(1):59–63.

Kononirenko V.A. *Pereseleniye kolkhoznikov iz Rossii i Ukrainy na post-deportatsionnyye territorii Kryma v 1944–1953 gody = Resettlement of collective farmers from Russia and Ukraine to the post-deportation territories of Crimea in 1944–1953*. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otosheniya*. 2017;17(1):59–63 (In Russ.)

18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 323. Д. 415.

Rossiyskiy gosudarstvennyu arkhib ekonomiki = Russian State Archive of Economics. F. 1562. Op. 323. D. 415 (In Russ.)

19. Арутюнян Ю.В. *Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны*. Москва; 1970. 466 с.

Arutyunyan YU.V. *Sovetskoye krestyanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny = Soviet peasantry during the Great Patriotic War*. Moskva; 1970. 466 p. (In Russ.)

20. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. р-1886. Оп. 2. Д. 214.

Gosudarstvennyu arkhib Stavropolskogo kraya = State Archives of Stavropol Krai. F. r-1886. Op. 2. D. 214 (In Russ.)

21. ГАСК. Ф. р-1886. Оп. 3. Д. 747.

Gosudarstvennyu arkhib Stavropolskogo kraya = State Archives of Stavropol Krai. F. r-1886. Op. 3. D. 747 (In Russ.)

22. ГАСК. Ф. р-1886. Оп. 3. Д. 756.

Gosudarstvennyu arkhib Stavropolskogo kraya = State Archives of Stavropol Krai. F. r-1886. Op. 3. D. 756 (In Russ.)

23. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. р-1480. Оп. 1. Д. 580.

Gosudarstvennyu arkhib Krasnodarskogo kraya = State Archives of Krasnodar Krai. F. r-1480. Op. 1. D. 580 (In Russ.)

24. ГАРО. Ф. р-4034. Оп. 8. Д. 1.

Gosudarstvennyu arkhib Krasnodarskogo kraya = State Archives of Krasnodar Krai. F. r-4034. Op. 8. D. 1 (In Russ.)

25. ГАРО. Ф. р-4034. Оп. 8. Д. 143.

Gosudarstvennyu arkhib Krasnodarskogo kraya = State Archives of Krasnodar Krai. F. r-4034. Op. 8. D. 43 (In Russ.)

Об авторах:

Шишова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и культурологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), [Scopus](#), nshishova@donstu.ru

Бондарев Виталий Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), [Scopus](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Shihova Natalya Vasilevna, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), [Scopus](#), nshishova@donstu.ru

Bondarev Vitaly Alexandrovich, D. Sc. (History), Associate Professor, Professor of Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), [Scopus](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 04.03.2025

Принята к публикации / Accepted 06.03.2025